

Глава 4. Сестры милосердия в Русско-турецкую войну (1877–1878)

Сестры в войну Сербии и Черногории с Турцией, начало Русско-турецкой войны

В 70-е годы XIX столетия славянские государства, входившие в состав Югославии, а также Болгария находились под властью Турции. На их территории часто вспыхивали освободительные движения, которые жестоко подавлялись. Так, в 1875 г. в Герцеговине и Боснии началось восстание, которое турки потопили в крови, в связи с чем на Балканы из других стран и России устремилось множество добровольцев, желавших оказать помощь братским славянским народам, среди них были видные врачи того времени Н.В. Склифосовский, С.П. Боткин, писатель Г.И. Успенский, художники В.Д. Поленов, К.Е. Маковский, В.В. Верещагин. В сборе средств для помощи повстанцам участвовали видные общественные деятели И.И. Мечников и Д.И. Менделеев выступали с публичными лекциями, сборы от которых шли в фонд помощи.

В следующем, 1876 г., Сербия и Черногория объявили Турции войну. Тогда на театр войны в Сербию был отправлен отряд сестер милосердия общины “Утоли моя печали” во главе с Н.Б. Шаховской: сначала 39 человек, а потом — 118, к ним присоединилось 10 человек из Благовещенской общины, которую возглавляла основательница Красного Креста М.С. Сабинина. Шаховская организовала в Сербии несколько госпиталей; работа была крайне тяжелой, поскольку в иные дни приходилось принимать до 500–600 раненых в сутки. Шесть сестер погибло, Шаховская и некоторые другие сестры получили за храбрость сербские награды²⁴⁶.

В то же время в Черногорию был отправлен другой отряд от общины св. Георгия во главе с уже престарелой Е.П. Карцевой, перешедшей из Крестновоздвиженской общины в Георги-

евскую²⁴⁷. В Черногорию были также посланы 11 сестер Крестовоздвиженской общины²⁴⁸.

12 апреля 1877 г. император Александр II подписал манифест о войне с Османской империей. Главное отличие новой войны состояло в том, что она была гораздо более динамичной и подвижной, нежели Крымская война, и длилась около 7 месяцев, т. е. примерно столько же, сколько одна осада Севастополя. Русские войска не стояли на месте, но преодолели довольно длинный путь от Румынии через Болгарию в сторону Истамбула — это придавало совсем иную специфику уходу сестер за ранеными, поскольку им постоянно приходилось двигаться вслед за русскими войсками, а на театре войны не создавались длительно действующие перевязочные пункты и госпитали.

Типы сестер

Война была очень популярна среди русской интеллигенции, горячий патриотизм явился порождением разгоряченного общественного мнения. *“...В последнюю кампанию, — вспоминала пожилая Бакунина, сравнивая Крымскую и Русско-турецкую войны, — в сестры Красного Креста шло очень много, можно почти сказать, что это было модой, и они шли на известное...”*²⁴⁹ Большинство женщин понятия не имело о том, что их может ждать на войне, практически все стремились на передовую, куда их не пускали, — исчез страх перед новой и не вполне понятной профессией, какую двадцать лет назад избрали крестовоздвиженские сестры, успевшие прославиться и этим как бы “проторить тропу” для других. Поэтому огромный прилив сестер принес в лазареты много лишних, случайных людей. Были женщины, пресытившиеся развлечениями, которым все в жизни наскучило. Имея авантюрную жилку, отправляясь на войну, они искали разнообразия, новых впечатлений и интересных знакомств. *“С крестом на груди, они не имели креста в сердце и смотрели на дело милосердия как на модное дело”*²⁵⁰, — писал один полковой священник. Нельзя

сказать, что такие сестры выполняли работу плохо. Иногда, правда, эти “беззаботные, веселые, здоровые молодые девушки, идущие на... трудную работу как на праздник” поражали своим легкомыслием. “Их веселый смех заглушает подавленные стоны раненых”²⁵¹.

Для других, малоимущих, война оказалась чуть ли не единственной возможностью заработать себе на пропитание: “*это сестры-труженицы из-за куска хлеба, без претензий на похвалу совершавшие подвиги милосердия, безропотно они несли все обязанности...*”²⁵². Одна из них, работавшая в тыловом госпитале в Харькове, горестно восклицала: “*Если бы мои родные не разорились, никогда бы я не дошла до этого унижения*”²⁵³, — и таких набиралось большое число.

Были женщины, для которых занятие новой деятельностью стало следствием тяжелой внутренней травмы, связанной, например, с потерей любимого человека, а были и такие, у которых действительное искреннее самоотверженное служение большим переплеталось с внутренним тщеславием: они постоянно стремились подчеркнуть свои собственные заслуги²⁵⁴. Вполне понятно, что сделавшие сознательный выбор сестры, “готовые положить свою душу и жизнь на служение страждущему человечеству”, были крайне редки. Их было мало, но они были, и “крест на груди служил для них действительным выражением присутствия в сердце Бога”²⁵⁵. Работавшая в тылу сестра назвала таких женщин исключением из правил — святыми, “которыми держался грешный город”²⁵⁶.

Статус сестер

Юридическое и административное положение сестер милосердия в период войны было определено изданными в 1875 г. “Правилами о сестрах Красного Креста”²⁵⁷ и правилами, составленными для желающих вступить в сестры Красного Креста только на период войны²⁵⁸. Таким образом, изначально разграничивались статусы женщин, работавших в общинах, и тех, кто хотел стать сестрой милосердия временно, в народе прозванных “вольнонаемными”, или “волонтерками”.

Театр военных действий Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Для сестер Красного Креста, согласно названным правилам, православное вероисповедание признавалось необязательным: в их число принимались женщины и других религиозных воззрений. Возраст женщин определялся в границах от 20 до 45 лет, и, в отличие от времен Крымской войны, когда многие сестры Крестовоздвиженской общины по истечении года, на который давали обет, возвращались домой, эти женщины были обязаны трудиться неопределенный срок — пока не окончится война. Вольнонаемные сестры, набранные сверх штатных, находились на обеспечении Красного Креста. Из административных функций на них возлагался только контроль за госпитальными служителями, а из профессиональных — составление элементарных лекарств.

Обучение сестер перед войной

Почин в деле обучения женщин-добровольцев был положен в Петербурге так называемой Врачебной Общиной, объединившей профессиональных медиков, которые давали теоретические и практические уроки для всех желающих. Первый курс читался с февраля по май 1877 г. Число слушательниц достигало 500 человек, но лишь 171 из них после выпускных испытаний были выданы удостоверения. Большинство обучавшихся было православными, но, кроме них, курсы посещали женщины католической, лютеранской и иудейской веры (соответственно, 6, 12 и 7 человек)²⁵⁹. Надо сказать, что трудилось в период Русско-турецкой войны в тыловых госпиталях, санитарных поездах и на этапных пунктах 47 превосходно подготовленных протестантских (евангелических) диаконисс. Они работали на тех же условиях, что и остальной медицинский персонал²⁶⁰.

Позднее при поддержке местных Дамских комитетов аналогичные курсы, чаще всего полугодичные, возникали в городах Тамбове, Полтаве, Чернигове, Курске, Саратове, Костроме и др. Теоретические уроки в этих кратковременных «училищах» включали в себя элементарный материал по анатомии, физиологии, фармакологии, рецептуре, гигиене и хирургии; женщины учились накладывать повязки, ассистировать при операциях, читать и понимать рецепты, приобщались к госпитальным порядкам²⁶¹.

Естественно, уровень квалификации прошедших подобное обучение был весьма невысок. Как вспоминала сестра, находившаяся в харьковском госпитале, такие сестры-педанты «слышали, учились и занимались... но воображали себя чуть ли не хирургами», жестоко эксплуатируя «те научные термины, которые стали им известны два-три месяца назад». Одна из таких умелиц отказалась от специальных ирригаторов для промыва ран, предложенных ей, сославшись на то, что в ее госпитале раны по традиции промывают, поливая из чайников²⁶². Впрочем, в Русско-турецкую войну уже появляются настоя-

Фотографии времен Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.: сестры милосердия, врачи и иеромонах военного госпиталя в Бухаресте (Юськин А. Русский госпиталь в Бухаресте //Наше наследие. — 1991. — № 1. — С. 40)

щие женщины-профессионалы: фельдшера и врачи, — но их крайне мало из-за отсутствия в России систематического медицинского образования для женщин²⁶³.

Отправление на фронт первых отрядов. Сестры Георгиевской общины

Задолго до основного потока вольнонаемных сестер в Болгарию отправились отряды уже проверенных “старейших” общин. В июне-июле 1877 г. в Румынию и на Кавказ было послано семь групп, в каждой из которых было чуть меньше 20 человек²⁶⁴. 32 крестовоздвиженские сестры во главе с Щеховской и Надеждиной действовали у основной переправы русских войск через Дунай близ Зимницы, позднее их сменили сестры общины Святого Георгия²⁶⁵.

27 сестер Георгиевской общины во главе с уже пожилой, но неутомимой Е.П. Карцевой, прошедшей Крымскую войну, до переправы трудились на этапах в Румынии, а потом попали в Болгарию: Горний Студень, Тырново, Габрово и Боготу. Они были из тех немногих, кого допустили на передовые позиции близ осажденной Плевны²⁶⁶, где находился Склифосовский — противник присутствия женщин на передовой. Более того, подобное разрешение выдавалось только главными уполномоченными Общества Красного Креста. Склифосовский считал, что частные лица и отряды частных обществ вообще не должны появляться вблизи поля боя, поскольку влечет за собой нарушение субординации и воинской дисциплины²⁶⁷.

Условия, в которых оказались женщины из этого отряда в Боготе, им самим с трудом поддаются описанию: *“Весь госпиталь раскинут на вспаханном поле: и потому — грязь непроходимая и до того клейкая, что через несколько шагов, вы таскаете как бы страшные кандалы; а при малейшем дожде до того скользко, что двигаешься с постоянным страхом. Зимой со всех сторон занесены палатки госпиталя. Сестры сильно перезябли, они помещаются доселе в юртах — дырявые стены юрт дают свободный ход всем четырем ветрам, дождь и снег проскользают*

Сестры милосердия и врачи Русского госпиталя в Бухаресте с выздоравливающими офицерами во время Русско-турецкой войны 1878—1879 гг. В третьем ряду третий слева, возможно, художник В. В. Верещагин (Юськин А. Русский госпиталь в Бухаресте //Наше наследие. — 1991. — № 1. — С. 44)

постоянно неожиданными гостями. Пол промерзший; а после полудня или после топки — грязь и слякоть. К утру юрты так стыннут, что нужно отогреть заледеневшие сапоги прежде, чем надеть их. Если ночью была вьюга, то платье выгребают из-под снега и тут же надевают его. Одна из сестер слегка отморозила себе ноги. Все эти невзгоды переносятся пока бодро и весело, всякий новый сюрприз в юрте, вроде ледяных сосулек... застывших сапог, отогреваемых на жаровне, возбуждает смех. Seriously больных... нет, но прихварывают постоянно. Старушка (Карцева. — А. П.) переносит пока войну героически". Карцева

писала о себе в Россию: *“Не тоскуйте обо мне! По милости Господа, я молодцом, и, кроме начавшегося к осени ревматизма, никаких недугов не знаю”*²⁶⁸.

Сестры Карцевой, последовавшие за стремительно передвигавшимися русскими отрядами, преодолели Шипкинский перевал и, пройдя почти через всю Болгарию, трудились в Адрианополе и Филиппополе, в непосредственной близости к Турции. О трудностях этого похода свидетельствует краткое описание Шипки С.П. Боткиным: *“Воздух на Шипке, вследствие нескольких тысяч трупов русских и турецких, гниющих на глубине обрывов, в ущельях, сделался в высшей степени тяжел и, конечно, может быть и опасным”*, поскольку тела убитых не хоронились, а сбрасывались в пропасть²⁶⁹. Русских раненых в августе 1877 г. здесь было около трех тысяч, а сестер — только четыре²⁷⁰.

Сестры из общин “Утоли моя печали” и Благовещенской

120 сестер общины “Утоли моя печали” под начальством самой княгини Н. Б. Шаховской оказались на территории Румынии, через которую проходили русские солдаты, направляясь к Болгарии, где развернулись основные сражения новой войны. В частности, они работали близ Браилова и Галаца, где проходила переправа российских войск через Дунай, а также в Булгарени, уже на территории Болгарии, близ Плевны²⁷¹.

90 женщин из Благовещенской общины Сабининой были переброшены из Крыма на этапы перевозки больных в Румынии: от Фратешти до Ясс, между которыми пролегла железная дорога. Эти сестры трудились главным образом на санитарных поездах Красного Креста²⁷². По воспоминаниям М.П. Фредерикс, на их попечение однажды поступил раненный в ногу пленный Осман-паша, помещенный, во избежание неудобств, в отдельный вагон, роскошно обставленный, увешанный коврами и с особой тахтой. Паша остался весьма доволен и позднее на французском языке написал благодарное письмо настоятельнице М.С. Сабининой²⁷³.

В июле 1877 г. во главе группы сестер от Обуховской больницы Петербурга на фронт выехала Е. М. Бакунина, направленная на Кавказский театр войны, в армянский город Делижан²⁷⁴.

Сестры Свято-Троицкой общины

Судьба

Ю. П. Вревской

В Яссах с июня 1877 г. находился отряд Свято-Троицкой общины (20 человек) во главе с весьма пожилой настоятельницей Е.А. Кублицкой²⁷⁵. В числе этих сестер трудилась баронесса Ю.П. Вревская, друг и корреспондент И.С. Тургенева, который при ее отправлении на Балканы в качестве сестры милосердия писал: *“Мое самое искреннее сочувствие будет сопровождать Вас в Вашем тяжелом странствовании. Желаю от всей души, чтобы взятый Вами на себя подвиг не оказался непосильным...”*²⁷⁶ Ю. П. Вревская заразилась тифом и умерла в одном из госпиталей 5 февраля 1878 г.²⁷⁷ Именно в память о ней в сентябре того же года Тургенев создал стихотворение в прозе:

«На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращенного в походный военный госпиталь, в разоренной болгарской деревушке — с лишком две недели умирала она от тифа.

Она была в беспмятстве — и ни один врач даже не взглянул на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногах, поочередно поднимались с своих зараженных логовищ, чтобы поднести к ее запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка.

Она была молода, красива; высший свет ее знал; о ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слез.

Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала — и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась — и вся, пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом ее тайнике, никто не знал никогда — а теперь, конечно, не узнает.

Да и к чему? Жертва принесена... дело сделано.

Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже ее трупу — хоть она сама и стыдилась и чуждалась всякого спасибо.

Пусть же не оскорбится ее милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на ее могилу!²⁷⁸ »

Численность сестер

К концу 1877 г. поток мелких отрядов общинных сестер и женщин-добровольцев был приостановлен, так как начальство сочло достаточным их наличное число в военных госпиталях. Однако в начале 1878 г. в армии разразилась эпидемия сыпного тифа, и значительная часть медицинского персонала им переболела, так что с февраля на театр войны был организован второй поток вновь подготовленных сестер²⁷⁹. Более того, около 50 женщин, по расстроенному состоянию здоровья вернувшихся в Россию, снова отправились в Болгарию и на Кавказ, стремясь туда с завидным упорством. По примерным подсчетам в войне в качестве медицинского и санитарного персонала участвовало около 1300 женщин²⁸⁰. Из них более сорока скончалось²⁸¹, и практически все перенесли разные формы тифа или лихорадки²⁸².

Красный Крест и военное ведомство в период войны

Поскольку сестры находились в подчинении у двух организаций: военного ведомства и Красного Креста, то взаимоотношения этих организаций определяли и ситуацию в среде медицинского персонала, а складывались они далеко не лучшим образом. Общество Красного Креста располагало огромными средствами, поскольку в войну ему удалось собрать более 9 млн. рублей, из которых 1 млн. так и не был истрачен²⁸³. Однако на театре войны эта организация играла вспомогательную роль, поскольку не было продумано устройство подвиж-

Походный лазарет времен Русско-турецкой войны 1878–1879 гг.; (Юськин А. Русский госпиталь в Бухаресте //Наше наследие. — 1991. — № 1. — С. 42)

ных лазаретов близ мест сражений, приютов для выздоравливающих, этапов по эвакуационному пути, “летучих” перевязывающих отрядов для подбирания раненых после сражения — все формировалось по классической схеме русского “авось”, т. е. спонтанно и с потерей драгоценного времени.

Выбор большинства уполномоченных Красного Креста, по словам одного из очевидцев, был весьма неудачен: эти люди глубоко проникались особым мнением о себе “как о благодетелях, раздающих как бы свое личное добро... точно из рога избылиция рассыпалось вверенное им имущество и деньги направо и налево, и с вполне строгим соблюдением христианского учения, в том лишь отношении, что правая рука действительно не знала, что раздавала левая”²⁸⁴. “*Меня иногда поражало, — писала одна из сестер, Софья Арендт, — то чувство наслаждения, гордости, которое доставляли пожалованные значки, благодарности и ордена некоторым из председательниц, личностям, выдающимся своею деятельностью и умом, женщинам далеко не пустым и, по-видимому, не тщеславным...*” А взамен некий уполномоченный Красного Креста заставлял иных старших сестер подписывать приложения к отчету в Главное

Медицинский персонал походного лазарета времен Русско-турецкой войны 1878–1879 гг. (Юськин А. Русский госпиталь в Бухаресте // Наше наследие. — 1991. — № 1. — С. 42)

Управление с требованием о выдаче денег, ссылаясь на то, что “передал лишнее, что у него недочет”. И подписывали, сознавая неправду, разыгрывая “комедию взаимного одолжения”²⁸⁵.

Представители военного ведомства видели в новоявленном обществе помощи больным крупного соперника, с которым постоянно вели вражду, несмотря на то, что Красный Крест контролировал лишь 1/10 часть медицинских учреждений в период Русско-турецкой войны. Их недовольство лишь иногда имело под собой основания, когда, например, дамы из высшего общества, работавшие в лазарете одного из провинциальных городов закармливали больных бисквитами, вареньями и другими сладостями вопреки отчаянным протестам врачей, а потом этих уже избалованных и капризных больных переводили в госпиталь военного ведомства, где они, не привыкшие к лишениям государственных военных учреждений, своими претензиями доставляли множество хлопот начальству. Только

когда лазареты Красного Креста закрылись после окончания военных действий и остались одни военно-временные и постоянные госпитали, деятельность благотворительного общества обратилась исключительно на них, в результате чего между ним и военным ведомством установилось определенное согласие²⁸⁶. Как ни странно, по замечанию С. Арендт, *“несмотря на роскошь и удобства лазаретов Красного Креста, мы, сестры, предпочитали служить в военных госпиталях”*⁶²⁸⁷.

С другой стороны, в госпиталях военного ведомства велась ожесточенная борьба между медицинским персоналом и представителями хозяйственной части. Врачам, ничего не добившимся от своей администрации, приходилось обращаться в учреждения Красного Креста, известным своей щедростью. Вследствие последней, эти же медики со временем становились более требовательней, а члены Красного Креста начинали урезывать помощь, а иногда и отказывать в довольно грубой форме — врачи обижались и, негодуя на Красный Крест в целом, больше не просили о поддержке²⁸⁸. Некоторым медикам, находившимся в ведении военного ведомства, было спущено недвусмысленное конфиденциальное предупреждение сверху, что старшие врачи, попросившие о помощи Красный Крест, на дальнейшее продвижение по службе могут не рассчитывать, хотя многие лазареты нуждались в серьезной поддержке²⁸⁹. Согласие между двумя ведомствами было более-менее достигнуто лишь на Кавказе, где Красный Крест ограничился лишь помощью госпиталям военного ведомства, не создавая свои, что было гораздо практичней, целесообразней и дешевле, чем на театре войны в Болгарии. Один из современников такую ситуацию объяснял большим количеством честных людей среди начальства на Кавказском фронте²⁹⁰. Тогда как в Зимницу, городок, близ которого происходила основная переправа русских войск через Дунай на территорию Болгарии и где хозяйничали чиновники из военного ведомства, сестер Георгиевской общины просто не пустили, отправив в соседнюю деревню, куда выселили учреждения Красного Креста —

Император Александр II награждает раненых солдат во время русско-турецкой войны (Дуров В. А. Русские награды XVIII — начала XX вв. — Москва, 1997. — С. 129).

работы в этом селении не было²⁹¹. В то время как в Зимнице после обстрела ее турками раненых было такое количество, что они не помещались в палатках и их приходилось класть на открытом воздухе. За три дня (19–21) в июле в госпиталь поступило более 3 тысяч больных²⁹². К середине августа их было около тысячи²⁹³. Бывали дни, когда сестрам приходилось перевязывать за одни сутки по 100–150 раненых²⁹⁴.

Рабочий день сестер

Вот как театральный режиссер В. И. Немирович-Данченко описывал рабочий день сестер в одном из госпиталей: *“День сестры милосердия начинался очень рано. Еще все спит кругом, а дежурная сестра уже поднимает своих подруг, просит помочь ей... В госпитальных шатрах — смрад и духота. Тускло*

мерцают в душном воздухе свечи и лампы. Раненые не знают покоя. Стоны слышатся повсюду. В разных местах — зовут сестру. Нужно перевернуть больного, поправить ему подушку, покрыть его одеялом.

Требуется при этом исправлять и самую черную работу, потому что больничная прислуга еще спит; она так умаялась за день, что ее не разбудить громами небесными. Забывая прежние привычки, подавляя отвращение к неопрятному делу, сестры служат больным и ночью. Поработав накануне до позднего вечера, удалось наконец им отдохнуть, но не надолго: еще далеко до света, а их уже будят идти в палату. У многих раненых сошли перевязки, грей воду — отмывая корпию, накладывая опять бинты; другим нужно лекарство, у третьего от крови, проступившей насквозь, — заскорузло и коробится белье, надо переменить, сам раненый не в силах этого сделать. Раненные в голову страдают сильнее других; они ничего не сознают, им приходится силою разжимать зубы и вливать лекарства. За ночь у многих простыни испорчены — нужно очистить воздух, сменить постельное белье... Работы, пока не станет утро, по горло.

Наконец, являются врачи, но с их появлением сестрам не легче. Сестра, сделайте то и то, поддержите больного... Сестра, принесите гигроскопической ваты, подайте шину... Где лубки? Сестра, дайте воды... Начинаются перевязки... Каждый вершок бинта снимается тщательно и осторожно, всякое место, пропитанное запекишеюся кровью, отмачивается; корпия снимается медленно, чуть ли не нитка за ниткой, чтобы не потревожить свежей раны. Промыть ее и перевязать вновь — уже более легкое дело. Но ранее этого нужно научиться преодолевать и стыдливость, и брезгливость, когда вид иных зияющих ран доводит мужчин до дурноты. На долю же сестер выпадали более тяжелые перевязки. Каждое прикосновение к живому месту крайне болезненно для больного: нужно все это сделать возможно нечувствительно для него и в то же время скоро, так как еще сотни больных ждут своей очереди"²⁹⁵.

Санитарный поезд времен Русско-турецкой войны 1878—1879 гг., действовавший на территории Румынии. Коллаж (Юськин А. Русский госпиталь в Бухаресте //Наше наследие. — 1991. — № 1. — С. 39)

Часто сестрам в качестве прачек приходилось мыть и стирать больным белье. Иногда, в моменты затишья, приходилось писать для раненых письма домой — в целом рабочий день растягивался от 6–7 часов утра до 8–10 вечера²⁹⁶.

Транспортировка больных

В эту войну активно применялась система сортировки больных, предложенная еще Пироговым, когда раненых после оказания первой необходимой помощи сразу переправляли в Россию — стационарные медицинские учреждения на фронте не создавались²⁹⁷. По Черному морю больных везли на пароходах, по Дунаю — на баржах, от Зимницы (границы Румы-

нии с Болгарией) до Фратешти (Румыния, близ Бухареста) — по грунту на гужевом транспорте, а от Фратешти до границы с Россией уже пролегла железная дорога, где курсировали товарные, пассажирские и военно-санитарные поезда, использовавшиеся для перевозки раненых. От Зимницы до Фратешти ходило несколько сот подвод, и на тысячу больных приходилось примерно 2–4 сестры, на санитарных поездах военного ведомства столько же сестер обслуживало 300–400 раненых, лучшими были условия на поездах Красного Креста (к концу войны их было 23)²⁹⁸, где на 200 раненых (в вагоне 10 человек, всего — 20 вагонов) полагалось девять сестер милосердия²⁹⁹.

При всей неотлаженности эта эвакуационная система действовала довольно эффективно, поскольку за время войны через медицинские пересыльные пункты, которые обслуживало около 200 сестер, прошло около 900 тыс. раненых*. Н. И. Пирогов, уже весьма пожилой, совершил поездку по военным госпиталям и остался весьма доволен виденным — это впечатление оказалось несколько поверхностным и во многом неверным, хотя и нашло отражение в отчете, опубликованном сразу после войны, в 1879 г.³⁰⁰.

Существовал проект разделения Румынии на этапные пункты. Каждый был рассчитан на 14 раненых, которыми должны были заниматься 1 доктор, 2 сестры, 2 фельдшерицы и 2 санитары. Однако данная система оказалась непригодной и была реализована лишь частично³⁰¹.

О том же, как проходила транспортировка, писала сестра Георгиевской общины, сохранившая свое имя в тайне. Она сопровождала транспорт с больными, прибывший в Тырново 8 августа 1877 г. Больных сперва проверили по спискам, затем в приемном покое устроили переключку и лишь после этих процедур распределили по госпитальным палаткам, естественно, не покормив, так как накануне на них не было выписано

---

*Более точно: Дунайская армия понесла потери 43 416 человек ранеными и 875 543 — большими, см. *Шибков А. А.* Первые женщины-медики... С. 92. Можно сравнить: в Симферополе после окончания Крымской войны осенью 1855 г. находилось лишь 12 тыс. раненых (см. выше).

порций, а специально еду никто готовить не собирался³⁰². В военном госпитале в Тырново более полугода находилось не менее 1 тыс. человек — иногда их число вырастало до 3 тыс.³⁰³. В Габрово за неимением мест в госпитале транспорты порой приходилось отправлять далее, и остановка делалась лишь для того, чтобы покормить и наскоро обработать раненых: в таких случаях сестры брали необходимые медикаменты и делали перевязки прямо в повозках. Когда начались холода, транспортируемым больным стали выдавать тулупы, правда, как и во время Крымской войны, всего лишь 20 на 150 раненых — при окончательной отправке больных тулупы забирали назад. Между тем, по выражению одной сестры милосердия, с наступлением зимы 1877—1878 г. Красный Крест “замерз»: его помощь резко сократилась — в Тырново от него было прислано 60 тулупов и 50 пар чулков на транспорт в 500—600 человек. Уполномоченного Красного Креста в это время в Тырново не было, а его помощник в отсутствие начальства опасался исполнять просьбы сестер о помощи³⁰⁴.

Положение раненых и больных

Как известно, история никогда и никого ничему не учит. В эту войну фактически повторилась та же ситуация, что и в Крымскую. Можно сказать, события, связанные с уходом за больными, разворачивались по спирали, когда на разных уровнях, в иных условиях и ситуациях повторялось одно и то же: больные могли быть не кормленными в течение нескольких дней, примерно столько же ждать перевязки и т. д. 8 сентября 1877 г. С. П. Боткин, отправившийся в Болгарию во главе отряда Георгиевской общины, в местечке Горный Студень сделал следующую дневниковую запись: “*Люди остаются и без еды, и без перевязки по суткам и более; все это кричит, стонет, умоляет о помощи...*”³⁰⁵ Когда же в другом месте, в Булгарени, врач попытался довести до сведения начальства тот факт, что раненые по полутора суток ничего не едят, ему был дан холодно-резонный ответ: “*А в ротах они остаются по шесть*

суток без еды и идут затем в бой". При этом, когда в Булгарень прибыл сам император, выразивший желание взглянуть на содержание раненых, другой медик, не моргнув глазом, заявил, что солдат, лежавший уже третий день с кровоточившей зловонной повязкой, был доставлен только что, перед приездом Александра II. Понятно, что не успели перевязать, возмущался Боткин, но зачем же лгать?³⁰⁶ В такой ситуации руки опускались: неудачи на фронте и безответственность среди младшего медицинского персонала врач объяснял бестолковостью командования. *"...У нас вера пропала в то, что теперешний наличный состав штаба в состоянии что-нибудь сделать. Это отсутствие веры, мне кажется, составляет самое тяжелое в нашей теперешней жизни"*³⁰⁷. С 31 августа по 2 сентября в госпиталь Булгарени, рассчитанный на 600 человек, поступило более 5 тыс. раненых, ко 2 сентября в нем оставалось примерно 2 300 человек, из которых более 1 500 тысяч содержалось под открытым небом. Этих раненых обслуживало 10 врачей, 200 сестер милосердия и несколько санитаров³⁰⁸. Палатки, по мнению Пирогова и Склифосовского, в гигиеническом отношении были гораздо лучше других помещений в теплое время года и широко использовались из-за нехватки мест в госпиталях. Из тех же соображений под Галацем впервые за эту войну были применены войлочные юрты³⁰⁹.

Отношения сестер и госпитального персонала

Медицинский персонал вел отчаянную войну с представителями хозяйственной части, так что один врач даже считал вполне справедливым "весь госпитальный личный состав, за исключением врачей, заменить женщинами, в качестве фельдшерниц, сиделок и прислуги, разумеется, хорошо подготовленных", исключив при этом всякую самовольную их деятельность, не согласованную с докторами³¹⁰.

На кухне приходилось опечатывать на ночь котлы, в которых готовилась еда для раненых. Однажды после двойного взвешивания мяса, доставленного на кухню — вечером и на

Младший медицинский персонал русского госпиталя в Бухаресте во время Русско-турецкой войны 1878—1879 гг. (Юськин А. Русский госпиталь в Бухаресте //Наше наследие. — 1991. — № 1. — С. 41)

следующий день утром — вес его неожиданно уменьшился на 8 кг. Повар эту необычайность объяснял способностью мяса за ночь “усыхать”³¹¹. В военном госпитале в Тырново сестра милосердия вместе с дежурным офицером взвесила полагавшуюся раненым норму вареной говядины, и оказалось, что вместо положенных 40 золотников в ней содержится лишь 16³¹². В такого рода условиях ничего необычайного не представляли камушки в вареном рисе, подозрительного вида чай, резиновые котлеты и овсяная каша, напоминавшая, по свидетельству самих раненых, помои, где “крупинка за крупинкой бегаёт с дубинкой”³¹³.

Фельдшера и братья милосердия

Особое явление представляли собой назначенные из рекрутов полуграмотные фельдшера. Как заметила одна сестра, нравственная чистота солдата исчезает, как только его положение

Сестры милосердия русского госпиталя в Бухаресте во время Русско-турецкой войны 1878—1879 гг. (Юськин А. Русский госпиталь в Бухаресте //Наше наследие. — 1991. — № 1. — С. 41)

повышается. Едва обученные, эти псевдомедики уже сознавали свое достоинство, исправно выпивая водку, предназначенную для больных, и вмешиваясь в предписания врача, перекраивая их на свой лад. Так, одному тяжелобольному брюшным тифом гвардейцу доктор прописал только жидкую пищу в очень малом количестве, однако свежеиспеченный фельдшер решил, что раненому наоборот следует укреплять желудок, поэтому стал кормить его сваренным вкрутую яйцом. Когда сестра милосердия, ухаживавшая за этим пациентом, заметила происходящее, было уже поздно, потому что фельдшер половину яйца уже скормил. Вскоре больной скончался³¹⁴.

В эту войну появились и братья милосердия, которые в значительной степени дискредитировали свое звание, поскольку, как писал один из врачей, “без всякого милосердия занимались одним только пьянством... Нельзя, однако, не согласиться... что причиною... разницы в степени участия к больным и

раненым” у сестер и братьев милосердия “объясняется, в известной мере, и самую природою вещей, ибо более чем вероятно, что те же братья милосердия отнеслись бы с большим участием и состраданием при уходе за больными женщинами, и что между сестрами милосердия нашлось бы также немало таких, которые, наоборот, отнеслись бы к ним с меньшим самоотвержением”³¹⁵. Возможно, неудовлетворительная деятельность братьев милосердия была связана с неопределенностью их положения, поскольку, считая себя равными сестрам, они, не обладая необходимыми знаниями, были не в состоянии делать перевязки и другие процедуры³¹⁶. Впрочем, среди братьев милосердия встречались и исключения, в частности лица духовного сана: монах и священник, прибывшие с Соловецких островов. Но и отношение к религии среди начальства было неоднозначным: известен случай, когда уполномоченный Красного Креста, весьма свободного мировоззрения, на Кавказе прогнал из своего госпиталя двух священников “за ненадобность”³¹⁷, между тем, только в одном Александрополе находилось четыре тысячи раненых!³¹⁸ Трудно сказать, сколько духовного вреда он причинил умиравшим.

Врачи

Другую неприглядную картину представляли юные врачи, наскоро окончившие свое обучение и приезжавшие на фронт “набить руку”. У одного любознательного доцента Дерптского университета Рейера в том же Александрополе лишь за один день умерло 13 прооперированных больных. Если подобный случай еще можно объяснить сложностью операций, поскольку даже из 39 операций, проведенных в июле–августе под Плевной при участии блестящего хирурга Склифосовского, из-за гнилостного заражения скончалось 18 человек³¹⁹, то введение врачом “воздушного” лечения с трудом поддается истолкованию. По этой методике раны не должны перевязываться, а оставляются открытыми. Рейер не учел возможности изменения погодных условий, поскольку солдаты содержались в

полотняных палатках, а дело происходило 1 ноября, когда на дворе стояла глубокая осень и ударили первые морозы. У работавших сестер руки начали пухнуть от холода, между тем, больные так и остались не перевязанными³²⁰.

Сходная ситуация сложилась и в Тырново, когда больных перевели из палаток в помещение бывшей городской мечети лишь 14 декабря 1877 г., в самый разгар зимы³²¹. В другом госпитале, в Бухаресте, другой молодой врач отправил на тот свет двух больных, у которых был жар, леча их, как от лихорадки, тогда как на самом деле у них был тиф. Работавшая с этим медиком сестра заступилась за него перед главным врачом госпиталя, которому сама же и сообщила о происшедшем, заметив неладное в происходившем лечении. Надо отдать должное молодому медику, нашедшему в себе мужество сознаться в собственной неопытности, но таких было, очевидно, немного, поскольку врачей порой подводила излишняя уверенность в своих знаниях. Один хирург вполне профессионально проводил операции, неизменно кончавшиеся смертью больных, поскольку операционная была заражена. Врач не желал согласиться с этим фактом, и больные по-прежнему погибали³²².

Не следует забывать, что и условия, в которых трудились врачи, были крайне тяжелыми не только физически, но и морально, что выдерживали не все. Главным врачом в Систове был назначен один молодой медик, находившийся на хорошем счету у своего начальства. Долгое время он справлялся с огромным наплывом раненых, бесконечно прибывавших в город, но в конце концов, когда на него накричал какой-то генерал, не выдержал и повесился³²³.

Во Фратешти сестре милосердия Софье Арендт пришлось работать с ординатором, заканчивавшим последний курс. Он одновременно готовился к экзамену и лечил больных: все его предписания невозможно было выполнить в точности при одной сестре на 64 раненых в палатках и 120 — в бараке, к последним врач даже и не заглядывал по недостатку времени. Одному раненому с отмороженной ногой он назначил пере-

вязки с различными кислотами на каждый палец ноги: на один — карболовую, на другой — салициловую и т. д. Бедная сестра, в спешке не раз перепутав лекарства, в конце концов стала все пальцы перевязывать карболовой кислотой как наиболее известным для нее средством, поэтому ей было очень совестно, когда ординатор, осматривая ногу больного, оставался довольным своими опытами³²⁴.

Сестры и солдаты

Иногда пылкое и излишне горячее желание добра солдатам со стороны не очень умелых сестер наталкивалось на грубость и непонимание со стороны самих больных, которые начинали сердиться на порядки в госпиталях, жалуясь, например, на еду: “Это не бульон, а помои какие-то! Даром что ли я за вас кровь проливал!” Бедная сестра, на которую обрушились эти нарекания, оказывалась в полной растерянности. На другой день врач, узнавший об этой истории, выбралил больного, но сестре от этого лучше не стало, так как ее заподозрили в том, что она о своих неудачах доносит начальству, оказываясь в результате не только виновной, но и смешной³²⁵.

Заслужить уважение солдат, по словам Софьи Арендт, можно было лишь справедливостью в обращении с ними. Когда один больной начал привередничать, отвергая сахар и табак, раздаваемые от Красного Креста сверх положенной нормы, она со спокойным видом отдала его пайку соседям. Самолюбие солдата было задето, а сестра заметила, что он не барин и его претензии не стоят особых хлопот. В некоторых случаях она напускала на себя обиженный или сердитый вид по отношению к больным со сложным характером — на последних это производило определенное воздействие³²⁶.

Зато если сестре удавалось добиться любви и уважения к себе, сами солдаты стремились ей всячески угодить. На Кавказском фронте очевидец зарисовал характерную сценку: в Тифлисе некая сиделка из крестьян стала читать больному книжку; благодарный слушатель силился находить чтение ин-

В. В. Верещагин. В госпитале. 1901 г. (Николаевский художественный музей им. В. В. Верещагина. № 50)

тересным, однако не выдержал, устал и заснул. Книга оказалась грамматикой латинского языка — бедный больной не решился сказать любимой сиделке, что подобного рода произведения его совсем не интересуют, и принуждал себя слушать³²⁷.

Отношения сестер друг с другом

История ничему не учила и в плане взаимоотношений самих сестер друг с другом. Русский офицер, оказавшийся в госпитале на переправе у Зимницы, вспоминал, что общинные сестры постоянно враждовали с вольнонаемными, полупрезрительно называя их “левантерками”. Сам он не вполне справедливо объяснял этот факт тем, что в общины попадало много женщин простых и часто совсем неграмотных, наскоро набранных и совсем неподготовленных, тогда как вольнонаемные представляли своего рода женскую интеллигенцию, под которыми он имел в виду курсисток и гимназисток, отличавшихся воспитанностью — помощью последних, собственно, и старались пользоваться офицеры³²⁸.

Не ладили женщины, обладавшие разными профессиональными знаниями: впервые появившиеся на театре войны фельдшерицы и сестры милосердия. Во Фратешти первые полностью оттеснили сестер, сосредоточив в своих руках основной уход за больными. Названный пункт, по выражению одного из уполномоченных Красного Креста, представлял собой “гнилое, заразное болото, гнездо тифа”. Действительно, поскольку через эту станцию шла транспортировка больных, то устроить временный госпиталь было удобнее рядом с платформой, откуда начиналась железная дорога через Румынию к Южной России. Одно время сестры вообще здесь жили на открытом воздухе, в грязи³²⁹, поскольку вблизи станции обнаружился исток ручьев, и из-за обильного скопления влаги образовывалось самое настоящее болото, а у платформы — озеро вязкой грязи. Позднее осенью, ноги тонули в ней по самое колено; одна сестра из жалости отдала больному свои сапоги, оставшись в старых и ободранных башмаках — на другой день ей пришлось ходить босиком³³⁰. Когда же начал стаять снег, на поверхности показались полусгнившие, брошенные трупы турок. Все вокруг дышало заразой, поэтому и врачи и сестры, работавшие во Фратешти, переболели тифом³³¹.

В такой критической ситуации сестры из-за фельдшерниц оказывались временно занятыми лишь в момент подвоза новой партии больных для сортировки. Характерно, что конфликты возникали именно тогда, когда не все были заняты работой, поскольку заведование и надсмотр за ранеными зависели от бойкости того, кто к этому стремился. Когда же уполномоченный Красного Креста задал вопрос, не имеет ли смысла разделить работу, подобное предложение вызвало бурю негодования со стороны фельдшерниц, которые соглашались на сотрудничество лишь при условии, что сестры будут находиться у них в полном подчинении. Поэтому последние убивали время, болтая и слоняясь из одной госпитальной палатки в другую, в то время как на одну фельдшерницу приходилось в общей сложности около 180 человек, и она не успевала делать ежедневные перевязки, обрабатывая раны хирургических больных через 2–3 дня. Когда же одна настойчивая сестра стала доказывать, что из-за подобной халатности могут возникнуть нагноения, заражение крови или гангрена, фельдшерница обидчиво рассмеялась, заявив, что доктор “запрещает частым промыванием беречь раны”³³². Старшая сестра мало занималась описанными проблемами, да и к мнению ее мало кто прислушивался, поскольку она была назначена во Фратешти по проекции и никак не могла выйти из романтической эйфории, восклицая: *“Я желала быть в огне, в сражениях, на передовых пунктах, а меня вон куда послали, точно в ссылку!”*³³³

Сестры в госпитале во Фратешти

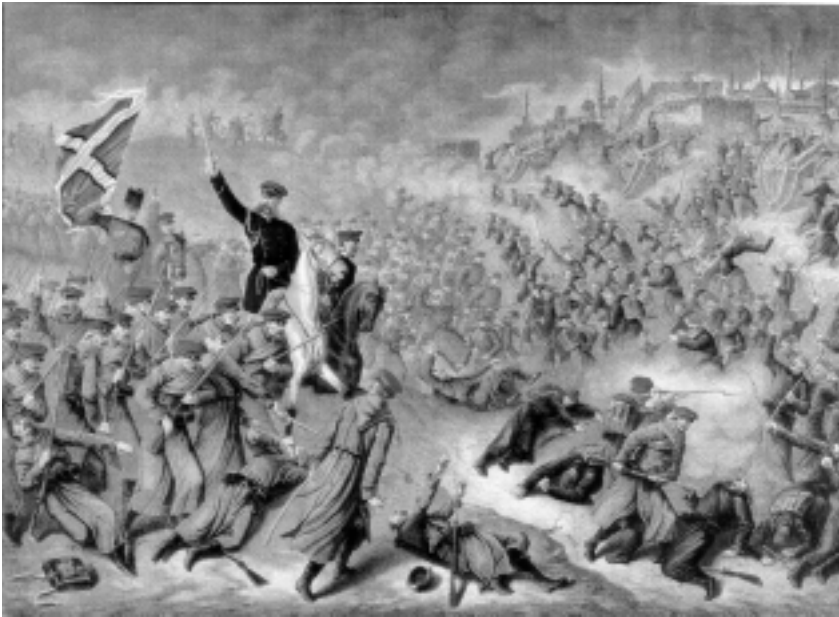
В то же время на некотором удалении от станции Фратешти располагался стационарный госпиталь, оказавшийся зараженным из-за скопления в нем больных; закрыть его начальство не решилось по причине значительных средств, затраченных на его строительство. В этом госпитале на 1 800 больных приходилось всего 3 врача. Работавшие там сестры из Благовещенской общины были под началом у бывшей супруги генерала; она никогда к больным не ходила, но усиленно делала

вид, что занята письменными делами, иногда заставляя сестер прислуживать себе и приходившим к ней гостям, что среди медперсонала не практиковалось. Неудивительно, что генеральша вскоре была смещена, а большинство сестер при таком управлении просто разбежалось — осталось только три. Именно сюда попала уже упоминавшаяся Софья Арендт, оказавшаяся в полном недоумении, поскольку буквально на расстоянии одной версты от госпиталя находилась станция Фратешти, где обиженные фельдшерицами сестры слонялись без дела. Впрочем, в подобной неорганизованности нельзя было обвинять только последних: чтобы добиться перевода Арендт со станции в зараженный госпиталь, старший врач запросил главного уполномоченного Красного Креста в Бухаресте, тот — старшего врача палаточного госпиталя на станции, и лишь через него уполномоченный Красного Креста во Фратешти передал запрос сестре, что если она хочет, то может перевестись в расположенный на расстоянии одной версты от станции госпиталь.

Более 110 больных в том барачном отделении зараженного госпиталя, куда она, наконец, попала, были либо тифозными, либо уже переболевшими тифом. Первые, как она потом вспоминала, кричали нечеловеческим голосом, будучи привязанными “горячешной рубахой” к кровати, иные лежали в беспмятстве. Помочь им было почти невозможно — сестра лишь клала руку на лоб беснующимся, которые постепенно утихали. Этому госпиталю щедрый на излишние благодеяния Красный Крест не помог ничем, и, тем не менее, в таких страшных условиях четыре сестры проработали, не ссорясь и не враждуя, два месяца, потому что их объединил самоотверженный труд и великий дар любви³³⁴.

Действительно, за шквалом похвал и ушатами словесного елдя, которые обрушились на сестер после войны со страниц газет и журналов от лица общественности, постепенно растворялся истинный образ немногих, кто искренне ухаживал за больными и боролся со множеством бед как от собственных болезней, так и от сложных взаимоотношений с больными,

Генерал М. Скобелев под плевной. 1978. ГИМ // Дуров В. А. Русские награды XVIII — начала XX в. — М., 1997. — С. 115.

врачами, фельдшерами и даже другими сестрами. И хотя темные стороны человеческой жизни всегда очевидней, ни одно сестричество не выдержало бы испытания временем, если бы среди этих женщин не было таких служителей, которые, взявшись за плуг, никогда не оглядывались назад, неизменно в радости возвращаясь к месту своих трудов. *“Что влекло их надевать эмблему милосердия — красные кресты на грудь, — писал в своем дневнике один офицер, — и что заставляло их бескорыстно жертвовать покоем, а иногда и жизнью? Если бы в рядах их стояли пожилые люди, для которых наступила пора думать об искуплении грехов и добрыми делами загладить свои ошибки, а то большинство была молодежь свежая и полная надежд. Искали ли они сильных ощущений, или рвались из будничной, неинтересной жизни, чтобы сознать, что хоть раз в жизни они исполнили завет Бога-Человека?..”*³³⁵

Арендт в конце концов заразилась и была отправлена на лечение в особую больницу Красного Креста для медицинского персонала. *“Несмотря на прекрасный уход, — писала она, — я... чувствовала себя более несчастной и одинокой, чем во Фратешти: там я все же была между своими, а здесь, бессильная, я была в совершенной зависимости от чужих мне людей, относившихся ко мне как к одному из номеров, за которым они обязаны были смотреть...”*³³⁶

Незадолго перед этими событиями Арендт довелось встретиться с врачом, который еще ранее направлялся во Фратешти. Он перенес три формы тифа: сыпной, брюшной и возвратный, и бритый, с дрожащими руками, все равно ехал в это “гнилое заразное болото”, шутя, “что судьба ему покровительствует, давая возможность изучить тиф во всех его проявлениях на собственной его, докторской, особе”. На вопрос сестры, не боится ли он еще раз заразиться (что действительно произошло позднее), он ответил: “Но ведь там больные...”³³⁷